

GROTESQUE-COMMUNICATIVE
FUNCTIONS OF SYNTAX AS
THE POWERFUL STIMULUS FOR
DEVELOPMENT OF LANGUAGE
CULTURE (ON THE MATERIALS OF
WORKS BY WITOLD GOMBROWICZ)

D. Hamze, Assistant
Plovdiv University «Paisii Hilendarski», Bulgaria

The broad understanding of syntax as a complex, dynamic and inspiringly creative system for linear organisation of lexis, with a semantic and communicative purpose, illustrated by the production of text, predetermines its essential role in the generation of grotesque verbal images. The syntactic resources of language (including the wide semantic scope of the conjunction and, the overall character of the predicates, the non-nominative constructions, the sentence equivalents and ellipsis, the meta-textual operators) for new and unforeseen textual decisions allow the grotesque to rethematize its semantic content and to use it in a dynamic communicative exchange, enriching the individual and the general linguistic culture by constituting an impetus in its development.

Keywords: language, syntax, grotesque, communication, language culture

Conference participant,
National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

ГРОТЕСКОГЕННО-
КОММУНИКАТИВНЫЕ ФУНКЦИИ
СИНТАКСИСА КАК МОЩНЫЙ СТИМУЛ
ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА
ВИТОЛЬДА ГОМБРОВИЧА)

Хамзе Д.Г., доктор
Пловдивски университет Паисий Хилендарски, България

Широкое понимание синтаксиса как сложной, динамичной и вдохновляющей креативной системы линейной организации лексики со смыслово-коммуникативным предназначением, иллюстрацией чего является производство текста, предопределяет его существенную роль в генерировании гротесковых вербальных картин. Синтаксические ресурсы языка (в том числе широкий семантический диапазон союза и, обобщенный характер предикатов, неименительные конструкции, предложенческие эквиваленты и эллипсис, метатекстовые операторы) для новых и непредусмотренных текстуальных решений позволяют гротеску ретематизировать глобально свое семантическое содержание и вовлечь его в динамический коммуникативный взаимообмен, который обогащает как личную, так и глобальную языковую культуру и дает новый толчок в развитии.

Ключевые слова: язык, синтаксис, гротеск, коммуникация, языковая культура

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i14.1678>

Гротеск – неотступное овладение незнакомым, которое, становясь постепенно знакомым, превращается снова в незнакомое, чтобы очертить спираль знания-незнания; оно поддерживает жизнь гротеска и разжигает желание покорения новых духовных вершин и обнаружения новых духовных горизонтов. Язык – это „волшебная палочка”, совершающая чудеса, одно из которых – коммуникативная конвергенция между народами и культурами в мировом плане, вопреки и посредством неповторимой специфики каждой из них в отдельности. Этот факт, с одной стороны, обогащает и нюансирует каждую отдельную языковую культуру, которая гармонически вписывается в общую лингвокультурную панораму, являясь элементом мировой языковой омникультуры, а, с другой, внушает, что при наличии хороших и благородных намерений, язык никогда не есть помеха, а лишь мост к взаимопониманию между этносами. Более того, естественные различия между ними могут быть единственно стимулом для эмпатического притяжения, поскольку, если бы их не было, отпала бы и необходимость в проявлении понима-

ния, согласия, в участии и межэтническом сотрудничестве. Выявленные польским лингвистом Евой Славковой стилевые пары в перспективе межкультурной коммуникации: ассертивный (наступательный) – дефензивный стили, гонорификативный (иерархический, почетный) – эгалитарный стили, аппроксимативный – дистантный стили, конфронтативный – консенсусный стили, являются солидной защитой конверсионных гравитационных импульсов между ними, несмотря на их оппозитивный статус. Доказательством может послужить даже выделенный самой Е. Славковой интерактивный стиль как более широкое понятие, охватывающее конверсионный этнолект – цель исследования различных ответвлений прагматики: этнопрагматики, контрастивной прагматики, вербальной этнографии (этнографии говорения) [Славкова 2005: 46–58]. В этом контексте теза крупного лингвиста Эдуарда Сепира относительно **лингвистической относительности** в направлении язык – мышление, согласно которой разные народы в своих языках разделяют мир разным образом посредством грамматических категорий, приобретает кон-

солидирующе-комплементарный характер на фоне общих для всех языков характеристик: фонетической и фонематической структуры, природы символов, психологической окрашенности, речевой экспрессивности, способности ограждения и сохранения накоплений в культурно-историческом наследии. В этом ракурсе языковая относительность становится „относительной” для самой себя, самой яркой иллюстрацией чего является гротеск. Своим вездесущим и всеобъемлющим искусством он релятивизирует и усиливает все строго обособленные языковые территории, перешативает и стирает границы, объединяет сообщества и целые миры. Несмотря на то, что не употребляет термин „универсалия”, Э. Сапир является сторонником **универсального подхода** к языку: „Внутреннее содержание всех языков одно и то же – интуитивное знание и опыт. Только внешняя их форма разнообразна до бесконечности, ибо эта форма... не что иное, как коллективное и с к у с т о мышления, искусство, свободное от несущественных особенностей индивидуального чувства” [по Кубрику 1993: 14]. Гротеск - словно осуществленная греза Бенедетто

Кроме, выдающегося автора, философа и мыслителя по вопросам духовной культуры, который, по словам Э. Сапира, есть „один из весьма немногих”, „кто постиг основное значение языка. Он указал на тесную связь языка с проблемой искусства” [Сепир 1993: 26]. Одна из первостепенных по важности предпосылок для наличия всеобщей языково-коммуниктивной платформы, с точки зрения Э. Сепира, это связь мыслительных процессов с психикой (и точнее с интуицией): „Мы имеем все основания предполагать, что языки являются по существу культурными хранилищами обширных и самодостаточных сетей психических процессов, которые нам еще предстоит точно определить” [по Кубрику 1993: 16]. Видение и осознание важности когнитивных процессов заставляет ученого признать языковедение одной из наиболее сложных и наиболее фундаментальных наук. Поэтому он призывает, чтобы лингвисты, психологи и философы объединили свои усилия. Общая психическая база делает возможным общение между языками и посредством языков. Вот что пишет американский ученый: „Подобно культурам, языки редко бывают самодостаточными. Потребности общения заставляют говорящих на одном языке вступать в непосредственный контакт с говорящими на соседних или культурно доминирующих языках. Это общение может быть дружеским или враждебным. Оно может развиваться в плане ординарных деловых и торговых отношений или же состоять в заимствовании или взаимном усвоении духовных ценностей – искусства, науки, религии. Трудно найти вполне изолированный язык или диалект, – и менее всего среди первобытных народов.” [Сепир 1993: 173].

1.1. Синтаксис – коммуникация – гротеск

Коммуникативный „генотип” синтаксиса обуславливает его существенную роль в гротескогенезе. Алиця Нагурко напоминает, что синтаксис признан „королем языковедческих

наук”, ввиду обстоятельства, что лишь на синтаксическом уровне проявляется основная функция языка, а именно коммуникативная [Nagórko 2002: 238]. Что касается языковых функций, Э. Сапир считает важнейшей символическую функцию, но именно тенденция рассматривать явления действительности символически (посредством символов) делает язык удобным средством коммуникации. В реальной обстановке социального взаимодействия язык, благодаря своей коммуникативной функции, приобретает свои сложные и утонченные формы. Производной по отношению к коммуникативной функции является **социализирующая функция** – язык как символ социальной солидарности всех говорящих на данном языке, а в глобальном плане и всех языковых сообществ и народов. Так выделяются одновременно унифицирующая и индивидуализирующая функции языка, как и его культуросохраняющая, культуроподдерживающая и культуротворческая миссии.

Синтаксис – это не свод правил (пособие с указаниями) для «подходящего» соединения слов, а построение и вместе с тем живость высказывания, его семантико-формальная идентичность, его бытие. Марек Вишневский не без основания констатирует, что „возможности появления в текстах на современном польском языке речевых синтаксических конструкций не навязаны никакие структуральные ограничения. Точкой можно отсечь любой элемент, формально зависимый от контекста” [Wiśniewski 1994: 201] [здесь и далее перевод мой – Д.Х.]. Как отмечает польский ученый, графическое обособление определенного синтаксического члена – как например, порядка слов и употребления конкретных лексических элементов – это **способ рематизации языковых выражений**. Это известный стилистический прием (точнее, семантико- стилистический), через посредство которого производитель речи манифестирует зависимость от

его собственной воли тематико-рематическую структуру высказывания, т.е. идет речь не о системных синтаксических механизмах, а о способе их реализации в тексте [по Wiśniewski 1994: 201]. В этом контексте можно сказать, что **гротеск является тотальной ремой** – он трансформирует, перерабатывает и рематизирует полностью, в корне смысл своего содержимого, находя адекватное синтаксическое выражение (синтаксическую концепцию) – **рематизируется даже сама тема**. Именно синтаксические ресурсы языка для новых и непредусмотренных текстуальных решений позволяют гротеску рематизировать свой семантический объем и превратить его в коммуникативное динамо. Визуально-коммуникативная, картинная рематичность гротеска сглаживает оппозитивный характер этнокультурных антиномий.

Своим гротесковым творчеством В. Гомбрович снимает оппозицию между паратаксисом и гипотаксисом, так как таксис в этой зоне должен или быть освобожденным от любых префиксов, или функционировать только как пара-таксис в удивительном числе разновидностей. Подобная синтаксическая конфигурация может послужить хорошей коммуникативной моделью. Подтверждением моей тезы являются наблюдения Александра Киклевича: „Гомогенное соединение появляется в предложениях, традиционно квалифицируемых как равнопоставленные (соединительные, паратактические), с оговоркой, что категория **синтаксическая гомогенность** по сравнению с **равнопоставленностью** более широкая и тоже содержит некоторые типы сложных предложений, традиционно воспринимаемых как подчиненные.

Граница между паратаксисом и гипотаксисом нечеткая, и в зависимости от использованных критериев можно сделать несколько разделений на паратактические и гипотактические предложения, что дает основание некоторым исследователям отказаться

1 „na możliwość pojawiania się w tekstach współczesnej polszczyzny wypowiedzeniowych członów syntaktycznych nie są nałożone żadne ograniczenia strukturalne. Kropka może być bowiem odcięty dowolny składnik formalnie uzależniony od kontekstu” [Wiśniewski 1994: 201].

полностью от этих понятий традиционного синтаксиса (...)» [Kiklewicz 2004: 234]. Прозрение, вызвавшее этот отказ, обусловлено когерентными свойствами синтаксиса, проявляющимися в полную силу и в своем наиболее оригинальном „амплуа” в зоне гротескового изображения. Кажущаяся экзореперентная (вне самой себя) „конфликтность” гротеска (в смысле его общения с другими категориями широкого контекста) опровергается внутренней кореперентностью его составляющих, которая возвышает его до модели космической, антропологической, межчеловеческой и эстетической гармонии. Благодаря когеренции, гротеск создает реальное представление об „ирреальном” как реальном, доказывая не только его реальное существование, но и его доступность в смысле преодоления невозможного, страшного и чудовищного средствами эстетики и пробужденного интеллекта во имя космической омнифонии. Ирреальное становится объединительным центром для благотворной межличностной интерференции (потому что реальное в утилитарном смысле болезненно и конфликтно)»³.

2.1. Синтаксические инструменты гротесковой креативности как часть высокой языковой культуры

2.1.1. Представляя семантический спектр союза *и*, (конstellацию, импликацию, перевернутую импликацию, эквиваленцию и конъюнкцию) А. Киклевич отмечает, что логические союзы не ставят никаких ограничений перед содержанием отдельных элементов предложеских структур. Только линейное (физическое) сближение языковых единиц является результатом их знакового „сотрудничества”. На этом принципе зиждется и

гротесковое изображение. Вот и один пример, приведенный А. Киклевичем: *„Бедная Лиза рвала цветы и кормила свою мать”* [Kiklewicz 2004: 238]. Существование в одном и том же контексте двух простых предложений без логической связи между ними в рамках сложносочиненного, обуславливает их **семантическую сочетаемость**. На кооперативный принцип, действующий в типе синтаксических рядов, обращает внимание и большой режиссер и семиотик Сергей М. Эйзенштейн, размышляя над текстом загадки: *„Ворона летела, а собака на хвосте сидела. Как это возможно?”* С. Эйзенштейн устанавливает, что интерпретация подобного текста основывается на повторении (репетиции) частей семантических элементов, которые вызывают кореперенцию (*„Ворона летела, а пес сидел на ее хвосте”*). Нет ничего странного в том, пишет режиссер, что, соединяя два фильмовых эпизода, мы вызываем у зрителя подобные впечатления [по Kiklewicz 2004: 238–239]. Эта семантико-синтаксическая оксюморонность вербального «изображения» создает сюрреалистическую картину в гротесковом пространстве. Разжигая воображение, как всеобщую интерпретативно-коммуникативную платформу, она содействует повышению глобальной языковой культуры. Генерализирующая функция гротеска (подчеркивающая основательность и „полезность” его необычности, сверхъестественности) словно прорастает из **обобщенного характера предикатов**, о которых Рената Гжегорчикова говорит следующее: „Обобщенный характер предикатов в свою очередь позволяет отнести их к ненаблюдаемым, отсутствующим, но мыслимым явлениям, и таким образом создается возможность утверж-

дения знания и передачи его тем, кто эмпирично не испытали явления, о которых говорится. Это основа общего знания и передачи культуры, несущей прочный, коллективный опыт, фундамент истории»⁴ [Grzegorzczkova 2001: 90]. Эта общедоступная база предопределяет возникновение конвергентно-коммуникативных импульсов.

2.1.2. Аффинитет гротеска к **неименительным конструкциям** свидетельствует о несосредоточении на Я, т.е. о коммуникативном консенсусе, эгалитаризме, о синтаксико-коммуникативной плурифункциональности, деиерархизации позиций в коммуникативном акте, которая обнаруживает антидискриминативный подход в общении между коммуникантами и культурами. Неименительные конструкции (включительно частые неглагольные предикативы, коннотированные соответствующими глагольными центрами и представленные в тексте посредством дативных номинальных групп: *‘żał, szkoda, wstyd, brak, strach’* (‘мне жаль, жалко, постыдно, не хватает, ему страшно’), экспонируют Не-я, не конкретного агента, а самодостаточный, саморегулирующийся и самовоспроизводящийся Космос. Трансфигуративная и сублимативная функция гротеска поддерживается и стимулируется и „непредложенческими” высказываниями как ответ на вопрос: *‘Lubisz czekoladę?’* (‘Ты любишь шоколад?’) – *‘Czasami owszem’* (‘Иногда да’), занимающими немалую долю в артистическом языке В. Гомбровича. Они не аккомодируют своих синтаксических „партнеров” и таким образом содействуют на синтаксическом уровне композированию ассиметричных гротесковых сочетаний. Таким образом, в коммуникативной рав-

2 „Junkcja homogeniczna występuje w zdaniach tradycyjnie kwalifikowanych jako współrzędne (parataktyczne), z tym że kategoria homogeniczności składniowej w porównaniu ze współrzędnością jest szersza i zawiera także niektóre typy zdań złożonych, tradycyjnie ujmowanych jako podrzędne.

3 Granica między parataksą a hipotaksą nie jest wyraźna, w zależności od stosowanych kryteriów można dokonać kilka różnych podziałów na zdania parataktyczne i hipotaktyczne, co daje podstawę niektórym badaczom, aby w ogóle zrezygnować z tych pojęć składni tradycyjnej (...)» [Kiklewicz 2004: 234].

4 Больше о когерентности и ее роли в гротесковом творчестве В. Гомбровича см. в статье Гротеската като антикохезивна когеренция (върху текстове на В. Гомбрович) [Хамзе 2016] (в печати), а о когеренции в широком и узком смысле см. исследование: Коммуникативно-разговорный „арсенал” художественного языка в гротескно доминированном творчестве Витольда Гомбровича [Хамзе 2015].

5 „Z kolei uogólniony charakter predykatów pozwala odnosić je do zjawiska nieobecnych, tylko myślanych, i tym samym stwarza możliwość utrwalenia wiedzy i przekazywania jej tym, którzy nie doświadczyli empirycznie zjawisk, o których mowa. Jest to podstawa wiedzy ogólnej i przekazu kultury, stanowiącej utrwalone, zbiorowe doświadczenie, fundament historii” [Grzegorzczkova 2001: 90].

нине высказывание демократизируется и, отражая схожие или идентичные контексты, и „глобализуется”.

2.1.3. „Стилизованные” фразы

Вершиной предложенческих эквивалентов (пол. *gównoważniki zdań*), называемых М. Вишневым непредложенческими высказываниями (*wypowiedzenia niezdaniove*) [Wiśniewski 1994: 89], является **эллипсис**. Разница между ними не существенная, а скорее всего градуальная: при эквиваленте мы знаем, чего точно не хватает, и с легкостью можем восстановить (автоматически заполнить нехватку), в то время как при эллипсисе вариантов больше, и от нашего выбора зависит реконструкция полной фразы (они - яркий стимул для творческой инвенции). Подобные синтаксические решения представляют динамичные и сильно ассоциативные конструкции, которыми чаще всего оперирует текстуальный гротеск. Кроме динамики, ассоциативности и ритмичности, с их помощью достигается языковая экономия и соответственно большая пластичность и рельефность зрительных представлений, большая картинность изображения (а это означает более эффективная коммуникация), что имеет первостепенную важность для гротесковой эстетики. Эллипсис - это вид рекуррентности - частный случай повторения. Он также ироническая фигура нашей зависимости от словесной расточительности (излишества слов). Вопреки всему, эллипсис слабо знакомая фигура, потому что, как говорит Р. Барт, он „смущает тем, что выражает пугающую свободу языка, который словно не обладает обязательной мерой” [Барт 2005: 100]. По моему мнению, коммуникативные пользы этой свободы бесспорны. Свобода как смысло-эстетический поиск не есть угроза, а языковая миссия, „обряд посвящения” для приобретения демиургических прав, культуры креативной непримиримости с рутинной и застоём в языке, которые мешают сближению культур посредством языка.

„Непредложенческие” единицы (согласно терминологии М. Вишневого), какими изобилует гротесковое творчество В. Гомбровича, - важная часть характеристики разговорного

языка и в той или иной степени обогащают его. Они есть и основное средство стилизации устной речи в письменном тексте. Их относительная или полная синтаксическая самостоятельность (самодостаточность) есть словно языковой субстрат гротескового изображения и подсказывает, с одной стороны, его независимость и уникальность, а с другой, - нестандартные и необъятные ассоциативные возможности, которые сближают и ко-ритмизируют и самые отдаленные в сознании бытийности. Такие структуры поддерживают диалог между А и Ч и способствуют адекватному толкованию гротеска. Они содействуют и „переквалификации” единиц из лишь языковых в изобразительно (визуально)-языковые, что превращает их в гротесковые функторы. В своей совместной деятельности (софункциональности) в рамках гротескового изображения они приобретают пространственную полифоничность, что свидетельствует об омнидексации - все языковые сегменты сильно дейктированы, т.е. „равнозначны” и „равноправны” в гротесковой симфонии.

2.1.4. Возрастающий рост **метатекстовых операторов** в синтаксической равнине не только характерная черта современной языковой коммуникации, но, как подчеркивает А. Киклевич, - и проявление растущей рефлексивности говорения (Kiklewicz 2004: 225). Метатекст присутствует повсеместно - кроме в заголовке и в обращениях к Читателю, метатекстовая информация содержится в предложениях, поговорках, цитатах, в формуле первого datum (т.е. темы). С точки зрения Марии Майеновой, как яркие заключительные, так и инициальные формулы, характерны для закрытых форм, которые, однако, не единственно возможные. Известно, что в определенный момент они превращаются в предмет игры и экспериментирования [Мауенова 2004: 29], что означает открытость. Гротеск тоже игра и экспериментирование, ломка любых штампов. Он - перманентная открытость на всех уровнях: пространственном, когнитивном, прагматическом, жанровом, нарративном, композиционном, структуральном, стилистическом.

А. Вежбицкая определяет высказывания как разносторонне гетерогенные, и ввиду того, что в них непрерывно переплетается сущий текст с метатекстом.. Эти метатекстовые нити могут выполнять самые разнообразные функции. Они выделяют семантическую „расцветку” сущностного текста, объединяют различные его элементы, укрепляют и спаивают их. В некоторых случаях они могут быть удалены, и это не приводит к тому, чтобы пострадала оставшая часть текста, а в других - нет [Wierzbicka 2004: 120]. Метаоператоры очень важные элементы когнитивных процессов носителя, концептуализации и категоризации, а также в интерпретативном плане. Они служат локальными ориентирами (делIMITаторами) - человек воспринимает мир по частям, по кусочкам, а потом собирает их как мозаику, чтобы получить целостный образ, - направляют и организуют текст. Они как „путеводители”, „дорожные знаки”, „указательные стрелки”, и короткие остановки на раздумье, на переведение дыхания... Метатекстовые обороты одновременно поддерживают коммуникативный тонус и атакуют адресата, побуждая его к размышлениям, к занятию позиции, к тому, чтобы ответил.

Нежелание нарратора пойти в свое Посольство в Аргентине („Trans-Atlantyk”), метафорически выраженное в его отказе (путем цепочной негации) опуститься на колени перед „суррогатами” у алтаря Отчизны за границей, на языковом уровне сопровождается многозначными метатекстовыми парентезами, чья семантика, с одной стороны, отсылает к военной ситуации в дальней Польше, с другой стороны, ассоциируется с функцией ее представителя здесь, за границей, - Министром Кошубицким, который в роскоши и охольстве самозванно орудует „душераздирающей” риторикой, чтобы солидаризироваться для вида (и фиктивно) с настоящими героями на поле боя, а, с третьей стороны, - выражает идентификацию Министра с самими тиранами - безличными (формально третьеличными) конструкции имплицитуют и его как палача для его соотечественников как „нарушителей порядка”. Парентезы

в этом гротесковом отрывке имеют и яркую ироническую и пародийную функцию – иронизируют речь и поведение главного представителя дипломатической элиты. Метатекстовые операторы звучат и автоиронически – наконец герой тоже поддается всеобщему психозу. Интересна метаморфическая природа синтаксических периодов, у которых реципрочная функциональность – они могут меняться ролями и взаимно замещать друг друга: парантезы могут занимать место главных представителей фразы, и наоборот – последних, могут заменять парантезы.

O, nie, nie, nie na toż ja Gombrowicz, abym przed Ołtarzem ciemnym, niejasnym, a może nawet Szalonym ukłekał (ale Bija), nie, nie, nie pójdę, kto wie co mi zrobią (ale Strzelają), nie, nie chcę tam iść, kiepska, marna Sprawa (ale Mordują, Mordują!). I w Mordzie, we krwi, w Bitwie, do gmachu wstąpiłem⁵ (TA, 17).

В следующем фрагменте гротесковый разрыв синтаксического континуума, расстановка его компонентов по модели визуальных искусств – скорее стереометрично, одного рядом с другим, чем консекутивно-линейно, одного за другим, – не только уравнивает конкретные бытийности и влетает их в общую ткань, но переобразует Формальную межсубъектную зависимость в социо-антропологическом плане в возможность для трансцендентной перспективы в универсальном плане. Лексическая и эллиптическая рекуррентность с подчеркнутой дейкитичностью прежде всего серии одинаковых указательных местоимений с отождествляющей редупликацией (*to samo*) ('то же самое'), в составе метатекстовых функторов, одновременно показывает Формальную взаимосвязанность, а посредством возникающих симметрий жалонирует и трансцендентный переход.

Lecz kuzyn wcale nie zdradza za-

miaru odejścia, policzek wymierzony Walkowi zbliżył nas jak kieliszek wódki i gwarzy ćmiąc papierosa, że mordobicie, kuropatwa, Pipowska, bezpretensjonalność, Tacjanki i Colombina, Henryś i Tadzio, życiowym trzeba być, realnym, szkoła rolnicza i forsa, gdy skończę studia. Odpowiadam mniej więcej to samo. Na to on znowu to samo. I ja to samo. Więc on znowu o mordobicu, że trzeba wiedzieć kiedy, z kim i za ile, po czym ja znowu, że w ucho lepiej niż w szczękę⁶ (F, 232).

Проведенное исследование ведет к следующим выводам и обобщениям:

1. Своими необъятными креативными возможностями и общедоступной для внутреннего глаза и воображения образностью гротеск преодолевает даже специфику отдельной культуры. Он является волнующим сочетанием индивидуальной авторской неповторимости и всеобщей интеркультурной рецептивности. В этом смысле он делает относительной саму лингвистическую относительность.

2. Гротеск – эстетическая попытка, осуществленная посредством онаглядения, которая вызывает почти соматическую интеграцию с самим гротесковым изображением, а посредством него и с лингвокультурными сообществами и моделями. Так гротеск приобретает трансграничные измерения, становится трансграничной категорией.

3. Гротеск подтверждает и модулирует универсалистскую тезу, что конкретные и абстрактные значения наличны в каждом языке. Он приводит рельефно визуальную конкретику к абстрактным значениям.

4. В гротеске отражается и находит эстетическое выражение цель некоторых исследований Эдуарда Сепира – установить в какой мере и форме специфическая неповторимость личности выражается в языке. В синтаксисе гротескового языка уникальный творческий идиолект превращается в универсальный омнилект.

5. Лучшей иллюстрацией относительной условности (по мнению Э. Сепира) терминов **синтетический** и **аналитический** язык опять может послужить гротеск, чьи синтаксические решения, благодаря неограниченным возможностям для свободного „дрифтирования”, выделяют то синтетический, то аналитический аспект языка.

6. В синтаксической равнине гротеск – тотальная рема: наступательно рематизирует полностью свое семантическое содержание, присваивая даже тему, которая тоже рематизируется.

7. Рематизация гротеска, благодаря синтаксическим ресурсам языка, благоприятствующим новым и непредвиденным текстуальным решениям, действует как катализатор по отношению к коммуникативному процессу и как регулятор этнокультурных оппозиций.

8. Оксиморонный принцип, легший в основу гротесковой когеренции как всеобщая интерпретативно-коммуникативная платформа, значительно способствует повышению глобальной языковой культуры.

References:

1. Gombrovich 1956: Gombrowicz, W. Ferdurke. – Warszawa., Państwowy Instytut Wydawniczy, 1956; sokr. F.
2. Gombrovich 1986: Gombrowicz, W. Trans-Atlantyk, *Dzieła*, tom III. – Kraków., Wydawnictwo Literackie, 1986; sokr. TA.
1. Vezhbicka 2004: Wierzbicka, A. *Metatekst w tekście*. - Warszawa., Bartmiński, J. *Tekstologia*. - Lublin., UMCS, 2004, 109-120.
2. Vishnevski 1994: Wiśniewski, Marek. *Strukturalna charakterystyka polskich wypowiedzi niezdanowych*. – Toruń., UMK, 1994.
3. Gzhegorchikova 2001: Grzegorzczkova, R. *Wprowadzenie do*

1 О, нет, нет, не для того я Гомбрович, чтобы опускаться на колени перед темным, неясным, аж даже Безумным Алтарем (так Бьют же они, не шутят), нет, нет, не пойду я, Бог весть, что они могут со мной сделать (так Стреляют же они, да еще как!), нет, не хочу туда ходить, ну и паршивое же это Дело (Замачивают ведь, Замачивают, и глазом не моргнув!). И так в Истребление, в кровь, в Битву, в здание я вошел (ТА, 17).

2 Однако, двоюродный брат мой вообще не собирается уходить, оплеуха, вшитая Валеку, сблизила нас, как рюмка водки, и лепечет себе, затягиваясь сигаретой, что взбучка, кuroпатка, Пиповская, отсутствие претензий, Тацянки и Коломбина, Генриш и Таджо, нужно быть рвачом, реалистом, сельскохозяйственное училище и доход по окончании учебы в университете. И я рассказываю почти то же самое. И он опять то самое. И я то самое. И он опять о взбучке, что надо знать когда, с кем и за какие деньги, после того как я опять о том, что лучше в ухо, чем в челюсть (F, 232).

semantyki językoznawczej. – Warszawa., PWN, 2001.

4. Kibrik, A.E. 1993: Je. Sepir i Sovremennoe jaz'ikoznanie. V: Sepir, Je. Izbrannye trudy po jazykoznaniju i kul'turologii [E. Sapir and contemporary linguistics. In: Sepir, E. Selected works on Linguistics and Cultural studies]. – Moskva., «Progress», «Univers», 1993, 5-22.

5. Kiklevich 2004: Kiklewicz, Al. Podstawy składni funkcjonalnej. – Olsztyn., UWM, 2004.

6. Majenova 2004: Mayenowa, M.R. Tekst literacki – pojęcie całości i pojęcie ramy. W: Bartmiński, J. Tekstologia. – Lublin., UMCS, 2004, 17–32.

7. Nagurko 2002: Nagórko, Alicja. Zarys gramatyki polskiej. – Warszawa., PWN, 2002.

8. Sepir 1993: Sepir, Je. Izbrannye trudy po jazykoznaniju i kul'turologii [Selected Works on Linguistics and Cultural Studies]. – Moskva., «Progress», «Univers», 1993.

9. Slavkova 2005: Sławkowa, E. Style konwersacyjne w perspektywie komunikacji międzykulturowej. – Warszawa., POSTSCRIPTUM, 2005, 2 (50), 46–58.

10. Hamze 2015: Hamze, D. Kommunikativno-razgovornyj „arsenal” hudozhestvennogo jazyka v groteskno dominirovannom tvorcestve Vitol'da Gombrovicha. In: Development of the spoken and written language at the current stage of the intensive information turnover [Communicative and colloquial “arsenal” of the artistic language in the

grotesque-dominated works by Witold Gombrowicz. In: Development of the spoken and written language at the current stage of the intensive information turnover]. – London., IASHE, 2015, 23-33. Access mode: <http://gisap.eu/ru/node/76763#comment-775025>.

 <https://doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i10.1277>

Эксерпированная литература:

1. Гомбрович 1956: Gombrowicz, W. Ferdurke. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1956; сокp. F.

2. Гомбрович 1986: Gombrowicz, W. Trans-Atlantyk, Dzieła, tom III. – Kraków., Wydawnictwo Literackie, 1986; сокp. TA.

Литература:

1. Вежбица 2004: Wierzbicka, A. Metatekst w tekście. W: Bartmiński, J. Tekstologia. - Lublin., UMCS, 2004, 109-120.

2. Вишнеvски 1994: Wiśniewski, Marek. Strukturalna charakterystyka polskich wypowiedzi niezdaniovych. – Toruń., UMK, 1994.

3. Гжегорчикова 2001: Grzegorzycykowa, R. Wprowadzenie do semantyki językoznawczej. – Warszawa., PWN, 2001.

4. Кибрик, А. Е. 1993: Э. Сепир и Современное языкознание. В: Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. –

Москва., «Прогресс», «Универс», 1993, 5-22.

5. Киклевич 2004: Kiklewicz, Al. Podstawy składni funkcjonalnej. – Olsztyn., UWM, 2004.

6. Майенова 2004: Mayenowa, M.R. Tekst literacki – pojęcie całości i pojęcie ramy. W: Bartmiński, J. Tekstologia. – Lublin., UMCS, 2004, 17–32.

7. Нагурко 2002: Nagórko, Alicja. Zarys gramatyki polskiej. – Warszawa., PWN, 2002.

8. Сепир 1993: Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – Москва., «Прогресс», «Универс», 1993.

9. Славкова 2005: Sławkowa, E. Style konwersacyjne w perspektywie komunikacji międzykulturowej. – W., POSTSCRIPTUM, 2005, 2 (50), 46–58.

10. Хамзе 2015: Hamze, D. Коммуникативно-разговорный „arsenal” художественного языка в гротескно доминированном творчестве Витольда Гомбровича. In: Development of the spoken and written language at the current stage of the intensive information turnover. - London: IASHE, 2015, 23-33. Access mode: <http://gisap.eu/ru/node/76763#comment-77502> <https://doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i10.1277>

Information about author:

1. Dmitrina Hamze – Assistant, Plovdiv University “Paisii Hilendarski”; address: Bulgaria, Sofia city; e-mail: didiham@abv.bg

